

Научная статья

Научная специальность

5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»

УДК 340.116

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.2.10>

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

© Малышева И. В., 2023

Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, г. Санкт-Петербург, Россия

Установлено, что формирующийся институт правового регулирования социальных сетей в разных государствах проявляется по-разному. Сравнительно-правовой метод исследования позволил выделить две модели: западную (США, Германия, Франция) и восточную (Китай). Отмечается, что западная модель правового регулирования исходит из «свободы информационного пространства» и «свободы слова», восточная – из «приоритета обеспечения безопасности» и «деанонимности социальных сетей». Констатируется, что отношениям в социальных сетях свойственны специфические черты: большая свобода выражения мнений, культура клипового мышления, «хамство» во взаимоотношениях как норма в силу невозможности идентифицировать субъекта и отсутствия ответственности. Указано, что в связи с изучением социальных сетей исследователи формируют концептуальные положения «цифровой жизни» и «цифровой смерти» личности. Сделан вывод о том, что в России основными проблемами регулирования социальных сетей являются следующие: отсутствие легальных дефиниций понятий «социальные сети», «аккаунт»; отраслевая неопределенность общественных отношений, складывающихся в социальных сетях; низкий уровень безопасности для несовершеннолетних и лиц пожилого возраста. Предлагается рассматривать такие общественные отношения, складывающиеся в социальных сетях, как межотраслевой правовой институт гражданского, трудового, административного и уголовного права, а также процессуальных отраслей; определить в законе понятия «социальные сети» и «аккаунт»; установить фильтры информационной безопасности для несовершеннолетних и лиц пожилого возраста.

Ключевые слова: социальные сети, «цифровая жизнь», «цифровая смерть», принципы права в цифровом пространстве, система права, информационная безопасность, модели правового регулирования.

SOCIAL NETWORKING AS A LEGAL PHENOMENON

© Malysheva I. V., 2023

St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, St. Petersburg, Russian Federation

The emerging institution of legal regulation of social networking in different states appears in different ways. The comparative legal method of the studying made it possible to select two models: western (USA, Germany, France) and eastern (China). The Western model of legal regulation comes from “freedom of networked battlefield” and “freedom of speech”, the eastern one comes - from the “information security priority” and “deanonymization of social networking”. Relations in the social networking have acquired independent features: big freedom of expression, a culture of clip thinking, “rudeness” in the relationships as the norm, as an impossible to nobility to identify the subject and the lack of responsibility. Under the studying of social networking, researchers form the conceptual provisions of “digital life” and “digital death” of personality. In Russia, the main problems of regulation social networking are the lack of legal definitions of the concepts “social networking”, “account”; industry uncertainty of public relations, which from in the social networking; a low level of safety for minors and the elderly people. It is proposed to consider social networking as public relations as an intersectoral legal institution of civil, labor, administrative and criminal law, also as procedural industries; legalize concept “social networking” and “account”; establish information security filters for minors and elderly people.

Keywords: social networking, “digital life”, “digital death”, principles of power in the digital space, system of law, information security, models of legal regulation.

Введение

Социальные сети стали неотъемлемой частью нашей жизни. Цифровое пространство в целом подвергается постоянному осмыслению с позиции возможностей, эффективности процессов, оперативности реагирования и современности технологий. Пандемия лишь проявила более явно преимущества дистанционных, компьютерных технологий и позволила от теоретического осмысления перейти к анализу и практическому применению.

Современный уровень развития цифровых, информационных технологий позволяет гово-

речь о выделении нового вектора развития права, новых правоотношений, формирующихся под влиянием цифровых технологий. А. А. Карцхия называет «ключевой особенностью, современной технологической “цифровой революцией” переход от виртуального пространства технологических операций и информационных потоков в сети Интернет к реальному воздействию цифровых технологий на экономику, право, социальную-культурную сферу и политику» [5, с. 43].

Цифровое пространство, социальные сети и Интернет сегодня представляют собой совершенно самостоятельную сферу регулирования

общественных отношений: в цифровом пространстве совершаются гражданско-правовые сделки, реализуются трудовые и личностные договоренности, даже совершаются преступления. Все это создает необходимость осмысления данных явлений как специфически правовых и самого цифрового пространства с позиции соотношения его с правовым. Цифровое пространство, полагаем, можно рассматривать как часть правовой системы, или как отдельную цифровую правовую систему, или новую форму права. Сегодня пока сложно определить формат и масштаб правовых возможностей в цифровом и информационном пространстве, так как характерные черты исследуемой системы только формируются.

Современное правовое регулирование детально регламентирует только «биологическую» [10, с. 212] и социальную жизнь человека в сложившихся многовековых традициях непосредственного личностного взаимодействия, «цифровая жизнь», «цифровая смерть» и иные понятия цифрового пространства только начинают осмысливаться исследователями. Однако фактическое взаимодействие в цифровом пространстве требует уже сегодня не только общего понимания, но и формирования общих принципов регулирования таких отношений.

Обращает на себя внимание факт признания цифровых прав как самостоятельного правового института, хотя обособленность последнего признается не всеми исследователями. Цифровое право как сфера правового регулирования привлекло особое внимание исследователей последних пяти лет [7; 4]. Результатом этого является факт включения в марте 2019 г. в ГК РФ¹ правовых норм, устанавливающих цифровые права и регламентирующих порядок их реализации (ст. 141.1). Цифровые права в соответствии с содержанием закона представляют собой разновидность имущественных прав, возникающих при использовании цифровых технологий и создании новых цифровых объектов, что позволяет рассматривать цифровые права как «корпоративные, обязательственные, интеллектуальные и иные гражданские права», что фактически позволило дать правовую оценку совершенно новым явлениям в сфере гражданских отношений (токены, криптовалюты, «цифровые двойники», электронные кошельки, цифровые биржи и др.). Кроме этого искусственный интеллект все чаще осознается

как возможный самостоятельный, полноценный субъект права, носитель прав или субъект правоприменения [5, с. 44; 11, с. 26].

Представляется, что цифровизация права не ограничивается только лишь гражданскими правоотношениями, требует более широкого подхода, так как «новая парадигма развития права заключается в “цифровизации” права, т. е. использовании цифровых технологий в целях оптимизации правового регулирования, а также формирования гражданского цифрового оборота» [5, с. 45]. Стоит также заметить, что некоторые уже понятные термины и привычные процессы, которые стали обыденностью, повседневностью, до сих пор не получили правового осмысления и установления правового порядка пользования. К таким явлениям отчасти можно отнести и социальные сети.

Социальные сети создавались прежде всего с целью поиска забытых друзей и приятелей, пропавших людей, более быстрого взаимодействия, возможности взаимодействия с оппонентом, протяженного во времени: сообщение может быть просмотрено адресатом в удобное для него время, что может рассматриваться как преимущество перед телефонными переговорами, требующими от обоих адресатов быть одновременно свободными. Постепенно и технические средства, и технологии стали доступными, удобными и легкими в использовании. «То, что зарождалось как сеть общения без коммерческой составляющей, превратилось в мета-Вселенную, формирующую экономику, политику, образование, мировоззрение» [1, с. 134].

Основным предметом исследования выступили механизм правового регулирования общественных отношений в социальных сетях и действующие правовые нормы в исследуемой сфере. Социальные сети с позиции права только начинают привлекать внимание исследователей, хотя уже сегодня законодатель частично регламентирует отношения в социальных сетях: в России в конце 2020 г. в Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² (далее – Федеральный закон об информации) была включена ст. 10.6 «Особенности распространения информации в социальных сетях», которая достаточно детально определяет вопросы организации сайтов и страниц сайтов, иных форм, их администрирование, отношения пользователей и др. Тем не

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

менее проблемные вопросы, требующие разрешения, становятся все очевиднее:

1. Специфика общественных отношений, требующая установления правил взаимодействия в пространстве социальных сетей подобно общественным отношениям, регулируемым правом.

2. Определение сфер общественных отношений, которые охвачены пространством социальных сетей.

3. Возможное ограничение субъектного состава (несовершеннолетние, лица пожилого возраста, лица с неустойчивой психикой и др.).

Актуализация проблемы позволила определить основную цель исследования – построение теоретической модели формирующегося правового механизма регулирования общественных отношений в социальных сетях. Цель предопределила задачи: путем анализа правовых норм и теоретических положений о пространстве социальных сетей вывить специфические особенности складывающихся общественных отношений; произвести сравнительно-правовой анализ практики иностранных государств в исследуемом вопросе; уяснить сферы правового регулирования, на которые развитие социальных сетей оказало значимое влияние; определить круг субъектов, для которых пространство социальных сетей может быть наиболее опасным.

Материалы и методы исследования

Основу исследования составили научные труды современных ученых: В. В. Богдан, А. А. Карцхия и А. Г. Самусевич представляют понимание цифровых прав и особенности правоприменения в условиях формирующегося цифрового пространства, в том числе ими поднимаются вопросы, связанные с использованием искусственного интеллекта; Н. А. Данилов, Д. Линь, М. А. Липчанская, В. В. Силкин, используя методологию сравнительного правоведения, способствуют становлению общеправовых принципов регулирования социальных сетей, которые могут повлиять на формирование норм международного права. Теоретические изыскания Н. А. Данилова, А. Л. Романовой, В. В. Силкина касаются таких понятий, как «цифровая жизнь» и «цифровая смерть», что непосредственно отражает существование личности в социальных сетях. Системный анализ, сопровождаемый формально-правовым методом с использованием результатов сравнительно-правового анализа, позволил сформировать некие основы правового регулирования цифрового пространства в сфере отношений, складывающихся в социальных сетях.

Результаты исследования

1. На современном этапе пользовательские соглашения в разнообразных социальных группах существенно отличаются друг от друга, единого правового режима в России не существует [2, с. 87; 6, с. 183–184], при этом регистрация в социальных сетях не требует особых знаний, навыков, достижения возраста дееспособности [1, с. 134–135], взаимодействие в социальных сетях формируется, как и в любых общественных отношениях, в определенной степени стихийно. Тем не менее складывающиеся в социальных сетях общественные отношения обладают спецификой, и для них характерны:

– большая свобода выражения мнений в силу отсутствия на сегодняшний день полной идентификации субъекта в сети Интернет;

– новая культура общения в целом, порождаемая клиповым мышлением;

– «хамство» как норма в условиях отсутствия личностного контакта, понимания индивидуальных характеристик субъекта (пол, возраст, социальное положение, национальность, религиозная принадлежность и др.), с которым происходит дискуссия или диалог, порождаемое порой неправильной интерпретацией высказанного/прочитанного и др.

Убеждены, что «уважение личностей и интересов всех пользователей» должно быть установлено как один из основополагающих принципов взаимодействия в социальной сети.

Особенности взаимодействия в социальных сетях поднимают вопрос разграничения частного и публичного пространства и требуют нормативного разграничения и прежде всего понимания того, является ли группа друзей (коллег) на личной странице в «Телеграм», во «ВКонтакте» публичным пространством. Н. А. Данилов и В. В. Силкин, исследуя проблемы хранения, пользования и передачи данных социальных сетей аккаунтов лиц после их смерти, поднимают вопрос «уважения неприкосновенности частной жизни лица и тайны переписки» [2, с. 87–88, 94]. Эти и иные вопросы требуют самостоятельных теоретических исследований.

Обращаясь к законодательству разных стран, где «цифровая жизнь» в социальных сетях так или иначе урегулирована, можно сделать вывод, что фактически сегодня усматриваются две модели правового регулирования пространства социальных сетей: западная (США и государства Европейского союза) и китайская. В США действует с 1986 г. Акт о защите права на частную жизнь в электронных сообщениях; во Франции в 2006 г. был принят Закон № 2016–1321 «О циф-

ровой республике», устанавливающий «цифровое существование личности»; в Германии в 2017 г. был принят Закон о совершенствовании правоохранительной деятельности в социальных сетях и др., в ряде государств уже постепенно складывается судебная практика в сфере пользования социальными сетями [2, с. 87–88, 94–95; 10, с. 212; 9, с. 78; 3, с. 49–51; 6, с. 181]. Стоит признать, что США и европейские государства, устанавливая нормативные ограничения, все же исходят из основных принципов «открытости Интернета» и «свободы доступа к информации в Интернете». Прямо противоположная практика сложилась в Китае: установление правового регулирования началось в 1994 г., основной целью было определено обеспечение информационной безопасности. Сегодня можно констатировать, что в Китае сложилась система правового регулирования интернет-пространства, которая устанавливает и взаимодействие в социальных сетях, и основными принципиальными положениями выступают: 1) деанонимизация пользователей (невозможность зарегистрироваться без точного указания личных данных), при этом обязательную регистрацию проходит не только создатель аккаунта, но и читатель страницы, комментатор; 2) полугодовой срок хранения всех публикуемых материалов. Контроль за социальными сетями возложен на специальные отделы полиции [8, с. 2–5]. Эти два подхода отражают разное видение правового регулирования пространства социальных сетей. Как западная, так и китайская модели имеют свои преимущества и недостатки. Тем не менее сам факт наличия правового регулирования социальных сетей не может быть недооценен.

В России, как уже было отмечено, Федеральным законом об информации установлены особенности распространения информации в социальных сетях, тем не менее ряд вопросов до сих пор остаются без регулятивного воздействия: напр. решение вопросов о (не)предоставлении информации умершего человека [2, с. 94]; сроки хранения информации и др.

Обращает на себя внимание и п. 1 ст. 10.6 Федерального закона об информации, который устанавливает следующее: «Владелец сайта и (или) страницы сайта в сети “Интернет”, и (или) информационной системы, и (или) программы для электронных вычислительных машин... доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети “Интернет”, находящихся на территории Российской Федерации (далее – владелец социальной сети), обязан соблюдать требования законодательства

Российской Федерации». При буквальном толковании представленной нормы Федерального закона об информации получается, что, если посещение сайта или другого установленного законом формата социальных сетей в течение суток осуществляют менее 500 тыс. пользователей сети Интернет, на такие социальные сети данная норма не распространяется. Также остается неопределенным само понятие «социальные сети», которое прямо в Федеральном законе об информации (ст. 2) не установлено.

Говоря о действии социальных сетей, стоит, безусловно, поднимать вопрос «чистоты» информационного пространства, уничтожения устаревшего материала. Страницы умерших лиц ряда цифровых сервисов остаются открытыми с возможностью написания письма, поздравлений с праздниками и иных сообщений, кроме этого их количество неуклонно растет: «в 2019 г. Оксфордский институт Интернета провел исследование и выяснил, что к 2070 г. число страниц, принадлежащих умершим людям, вырастет до 1,4 млрд и превысит число “живых”» [10, с. 213]. Вопрос «цифровой жизни» и «цифровой смерти» сегодня в научных кругах активно обсуждается, многие исследователи приходят к выводу о необходимости «установления единого правового режима доступа к информации на случай смерти пользователя» [2, с. 100], кроме этого стоит уже сейчас задуматься о «цифровой гигиене» в пространстве социальных сетей.

Также Н. А. Данилов и В. В. Силкин обращают внимание на тот факт, что количество личных страниц, которые создаются одним человеком, не ограничено, соответственно, при таком подходе сложно установить цифровую идентичность личности [Там же, с. 92–93].

2. Поскольку цифровые права практически сразу нашли свою правовую нишу (гражданское право), что позволило законодательно их установить, убеждены, что далее этот зародившийся современный правовой институт будет только расширяться, конкретизироваться. Принципиальное его «место» в системе права найдено в силу установленной специфики общественных отношений.

Место и механизм регулирования социальных сетей представляются более сложными в силу их большего разнообразия: они используются для личных отношений, трудовых, корпоративных, профессиональных и т. д. Причем и интересы субъектов различных групп тоже могут быть разнообразными. Усилия ученых сосредоточились на поисках «социального баланса», оптимальной модели «оцифровки» человека,

когда виртуальное не превалирует над реальной жизнью [1, с. 135]. Вместе с тем разные социальные группы требуют различных установлений и ограничений: в сфере личных отношений периодически встает вопрос о сохранении и конфиденциальности личной информации, которая благодаря социальным сетям умышленно или по неосторожности ее владельца выходит в публичное, неограниченное пространство, включая фотографии, выдержки личной переписки и др. В трудовых, корпоративных и профессиональных коллективах достаточно остро стоит вопрос обязательности иметь смартфон как таковой с возможностью взаимодействия в рамках установленной в корпорации, трудовом коллективе или в организации общедоступной социальной сети типа «ВКонтакте» и др. Количество групп в организациях может быть неограниченным, а «задания» и поручения становятся негласно обязательными, причем без установления временных ограничений для знакомства с поручениями и иных обязательных для нормальных корпоративных или трудовых отношений норм и принципов (реальность, соответствие должностным обязанностям и др., установленному рабочему дню и времени отдыха и т. д.).

Отдельного внимания заслуживает борьба с ложной, фейковой информацией, дезинформацией, манипулированием общественным мнением и др., что фактически находится в сфере административного, уголовного, уголовно-процессуального и иных публичных отраслей права.

Таким образом, в связи с развитием и активным использованием социальных сетей, правового регулирования в первую очередь требуют такие отрасли права, как семейное, трудовое, административное, уголовное. Безусловно, правы исследователи, которые пишут «о необходимости разработки концепции правового регулирования социально-сетевое пространство публичных коммуникаций» [1, с. 136]. Однако, на наш взгляд, более реально сегодня включать в отраслевое законодательство перечисленных отраслей права отдельные правовые нормы, устанавливающие те или иные положения использования социальных сетей, а параллельно разрабатывать теоретическую модель «концепции правового регулирования социально-сетевое пространство публичных коммуникаций», которая может послужить в дальнейшем основой отдельного межотраслевого института права и законодательства. В условиях ускоренного развития общественных отношений, информационного беспорядка этот путь представляется единственно верным: введение отдельных норм

видится более реальным, а потребность в их существовании сегодня очевидна.

Отдельного внимания требуют процессуальные отрасли права. Использование в уголовном процессе информации социальных сетей в качестве доказательства требует отдельного исследования [Там же, с. 136], равно как и гражданский процесс. Однако это в очередной раз подтверждает основную идею необходимости исследования от частного, отраслевого к общему, межотраслевому концептуальному подходу.

3. Круг субъектов, для которых доступны и «обязательны» социальные сети, не ограничен, а их простота позволяет пользоваться ими даже малолетним. Российское законодательство не устанавливает возрастные ограничения для доступа к социальным сетям. При этом ст. 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹ [4, с. 43] содержит перечень информации, запрещенной к распространению среди несовершеннолетних. Однако регистрация любых лиц в социальных сетях, включая несовершеннолетних, не позволяет быть уверенными в истинности представленной при регистрации информации, а уровень владения современными детьми техническими средствами зачастую значительно выше родительского, «медиаграмотность» последних невысока в силу объективных причин.

Стоит сказать, что возрастные ограничения в цифровом пространстве в целом сегодня с позиции безопасности – вопрос актуальный не только в связи с необходимостью предотвращения доступа несовершеннолетних к социальным сетям сомнительного характера, но и из-за развития мошенничества в отношении пожилых лиц, для которых социальные сети представляются порой «неизведанным космическим пространством».

Защита несовершеннолетних, от которых не удастся закрыть пространство социальных сетей, да и нет в этом необходимости, должна быть прежде всего обеспечена родителями, это очевидно. Но, исходя из объективного понимания развития цифрового пространства и информационного общества, стоит признать, что в вопросе взаимодействия в социальных сетях подрастающее поколение всегда будет опережать своих родителей. Этот факт представляется особо интересным с позиции психологии и педагогики, но в правовом регулировании должен прежде всего рассматриваться со стороны

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

обеспечения безопасности и «эффективного ограничения».

В Германии специальная комиссия бундестага в процессе исследования влияния Интернета и цифровизации на развитие общества и государства обнаружила высокую степень влияния на молодежь высказываний оскорбительного характера (так называемый хейт-спич, hate speech), в том числе призывов к насилию. Для борьбы с этим явлением была создана Центральная служба федеральных земель по информационной защите молодежи в Интернете [9, с. 79]. Российская практика выявления разного рода социальных групп, принуждающих или призывающих к агрессии, насилию, самоубийствам и другим подобным действиям, также преимущественно направлена на подростков, незрелых личностей. Эта проблема невольно привлекает внимание и демонстрирует преимущества китайской модели контроля социальных сетей, требующей четкой идентификации личности при регистрации в социальных сетях.

Субъектность в правовом пространстве требует осмысления и правового установления понятия «аккаунт», который фактически идентифицирует личность, но вместе с тем не может быть отнесен к «объектам гражданского права» [1, с. 137–138]. Предположительно, именно аккаунт в будущем будет представлен в виде «цифрового паспорта». Но уже сегодня его правовая определенность может позволить расширить круг цифровых данных об отдельных субъектах. Однако в этой связи может возникнуть вопрос «рождения» и «смерти» цифровой личности, а также цифровой фиксации юридических лиц и иных коллективных субъектов. Возможно, последнее может быть компенсировано установлением официального сайта, что, в свою очередь, также требует законодательного закрепления.

Круг проблемных вопросов, безусловно, не ограничивается обозначенными выше. Достаточно остро стала проявляться проблема «информационного суверенитета» и «трансграничности сетей» [6, с. 180], особенно в связи с ростом напряженности в межгосударственных отношениях, санкционным воздействием. Необходимо признать, что законодательство, регламентирующее взаимодействие в социальных сетях, только зарождается, проблемных вопросов много, но активный исследовательский интерес, внимание законодателя и правоприменителя к этим вопросам, уверенны, позволят создать действующую систему правового регулирования цифрового пространства и безопасного взаимодействия субъектов в социальных сетях.

Заключение

Представленный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Необходимо на основе уже действующих положений Федерального закона об информации развивать основу правового регулирования взаимодействия пользователей социальных сетей. При этом следует учитывать положительный опыт иностранных государств. Фактически иностранное право представляет две основополагающие разные модели: западную, основанную на принципах «открытости Интернета» и «свободы доступа к информации в Интернете» и восточную (китайскую), реализующую в качестве основных принципов «деанонимизацию пользователей» и «приоритет информационной безопасности». В развитии механизма правового регулирования не всегда получается соединить разные модели, но, полагаем, глубокое теоретическое осмысление позволит создать гармоничную модель на основе «свободы информационного пространства» при обеспечении его «безопасности».

2. Социальные сети по существу охватывают такие отрасли, как семейное, гражданское и административное право в сфере защиты личных данных; трудовое право при установлении возможностей пользования социальными сетями в профессиональных и корпоративных интересах; уголовное право с целью защиты от фейковой информации в социальных сетях; гражданский и уголовный процесс как отрасли права – при установлении возможностей использования данных из социальных сетей в качестве доказательства. Это позволяет рассматривать общественные отношения, складывающиеся в социальных сетях, как межотраслевой институт, отдельные элементы которого формируются в разных отраслях права, но все они должны исходить из общих теоретических основ, которые только предстоит сформулировать и установить.

3. Законодательного установления и закрепления требуют такие понятия, как «интернет-споры», «кибербезопасность» [6, с. 180], «социальные сети», «локальные сети», «аккаунт». Стоит обратить внимание, что ряд исследователей предлагают свои авторские определения заявленных понятий [12, с. 87]. Возможно, эти понятия должны дополнить не только ст. 2 Федерального закона об информации, но и действующие кодифицированные акты, такие как Гражданский кодекс РФ, Семейный кодекс РФ¹, отражая межотраслевой характер исследуемых отношений.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Теоретического осмысления и законодательного установления требуют и возрастные ограничения при использовании социальных сетей с целью установления фильтров информационной безопасности для несовершеннолетних и лиц пожилого возраста. **□**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богдан В. В. Право социальных сетей (частноправовой аспект) // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 133–147.
2. Данилов Н. А., Силкин В. В. Правовое регулирование доступа к информации пользователя сети Интернет после его смерти: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 1. С. 86–101.
3. Емельянов Д. С. Ограничение права на свободу слова в эпоху социальных сетей // Образование и право. 2021. № 3. С. 46–53.
4. Ефимова О. В., Балдина С. А. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 3(54). С. 45–47.
5. Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2(31). С. 43–46.
6. Куликова С. А., Чулисова Ю. А. Правовое регулирование распространения информации в социальных сетях: законодательные новеллы и перспективы правоприменения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, № 2. С. 178–187.
7. Кузнецов М. Н., Чумаченко И. Н. Цифровые права – новеллы в российском законодательстве // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 97–100.
8. Линь Д. Основы правового регулирования и административного контроля Интернета в Китае // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 2. С. 1–9.
9. Липчанская М. А., Привалов С. А. Социальные медиа в конституционно-правовом пространстве России и Германии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, № 1. С. 73–82.
10. Романова А. Л. Технологии цифрового реинкарнирования личности в соотношении с правом на «Цифровую смерть» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4(92). С. 211–217.
11. Самусевич А. Г. Цифровое правоприменение: теория и практика // Сибирский юридический вестник. 2022. № 4(99). С. 22–28.
12. Шихамиров И. С. Интернет-аккаунт как объект гражданских прав: практика обращения и перспективы использования категории «аккаунт», «учетная запись» // Цифровая наука. 2021. № 6-2. С. 72–89.

REFERENCES

1. Bogdan V.V. Pravo sotsialnykh setei (chastnopravovoi aspekt) [Social networking law (private law aspect)]. *Permskii yuridicheskiy almanakh* [Perm Legal Almanac], 2022, no. 5, pp. 133-147. (in Russian)
2. Danilov N.A., Silkin V.V. Pravovoe regulirovanie dostupa k informatsii polzovatelya seti Internet posle ego smerti: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Legal regulation of access to information of the Internet user after his death: comparative legal research]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2021, t. XVII, no. 1, pp. 86-101. (in Russian)
3. Emelyanov D.S. Ogranichenie prava na svobodu slova v epokhu sotsialnykh setei [Restrictions on the right to free speech in the age of social networking]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2021, no. 3, pp. 46-53. (in Russian)

4. Efimova O.V., Baldina S.A. Tsifrovye prava kak novyi objekt grazhdanskikh prav [Digital rights as a new object of civil rights]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* [Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries], 2019, no. 3(54), pp. 45-47. (in Russian)

5. Kartskhiya A.A. Tsifrovye prava i pravoprimenenie [Digital rights and law enforcement]. *Monitoring pravoprimeniya* [Monitoring of law enforcement]. 2019, no. 2(31), pp. 43-46. (in Russian)

6. Kulikova S.A., Chulisova Yu.A. Pravovoe regulirovanie rasprostraneniya informatsii v sotsialnykh setyakh: zakonodatelnye novelly i perspektivy pravoprimeniya [Legal regulation of the dissemination of information in social networking: legislative innovations and prospects for law enforcement]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie*. [Pravo Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Economics. Management. Law]. 2021, t. XXI, no. 2, pp. 178-187. (in Russian)

7. Kuznetsov M.N., Chumachenko I.N. Tsifrovye prava - novelly v rossiiskom zakonodatelstve [Digital rights - novels in Russian legislation]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Economic problems and legal practice], 2018, no. 4, pp. 97-100. (in Russian)

8. Lin D. *Osnovy pravovogo regulirovaniya i administrativnogo kontrolya Interneta v Kitae* [Basis of penal regulation and Internet censorship in China]. *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya* [NB: Administrative Law and Administration Practice], 2020, no. 2, pp. 1-9. (in Russian)

9. Lipchanskaya M.A., Privalov S.A. Sotsialnye media v konstitutsionno-pravovom prostranstve Rossii i Germanii [Social networking in the context of Russian and German constitutional law]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie*. [Pravo Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Economics. Management. Law]. 2021, t. XXI, no. 1, pp. 73-82. (in Russian)

10. Romanova A.L. Tekhnologii tsifrovogo reinkarnirovaniya lichnosti v sootnoshenii s pravom na "Tsifrovuyu smert'" [Technologies of digital reincarnation of personality in relation to the right to "digital death"]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of the university named after O. E. Kutafin (MSAL)], 2022, no. 4(92), pp. 211-217. (in Russian)

11. Samusevich A.G. Tsifrovoye pravoprimenenie: teoriya i praktika [Digital law enforcement: theory and practice]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian law herald]. 2022, no. 4(99), pp. 22-28. (in Russian)

12. Shikhamirov I.S. Internet-akkaunt kak objekt grazhdanskikh prav: praktika obrashcheniya i perspektivy ispolzovaniya kategorii "akkaunt", "uchetnaya zapis'" [Internet-account as an object of civil law: practice and perspective of use of the notions "account"]. *Tsifrovaya nauka* [Digital Science], 2021, no. 6-2, pp. 72-89. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 17.05.2023

Received on 15.02.2023; approved on 12.04.2023; accepted for publication on 17.05.2023

Мальшева Инна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний (Россия, 196602, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, 34), ORCID: 0000-0002-5937-0458, e-mail: inna1108@yandex.ru

Malysheva Inna Viktorovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service (34, Sapernaya st., Pushkin, St. Petersburg, 196602, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-5937-0458, e-mail: inna1108@yandex.ru